

УДК 297

ИСЛАМ, ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ, НАУКА

Г.Р.Балтанова, доктор философских наук, профессор

В статье «Татарские пятна. Власти РТ строго следят за тем, чтобы рядом с каждой новой мечетью обязательно была построена православная церковь» московского журналиста И.Найденова дается анализ современной этноконфессиональной ситуации в Республике Татарстан. Она привлекает внимание своим критическим настроем, что выгодно отличает ее от общего и довольно непонятного тона благодушия, свойственного публикациям как в татарстанских, так и в центральных СМИ. Собственно говоря, само название статьи красноречиво и отражает ее суть: национальное движение в РТ выродилось, мечети – потенциальные рассадники экстремизма, потому их нужно уравновесить церквями, татарстанцы живут в тоске по американской мечте и просят в Европу. Сам же Татарстан является пятном, понятно каким, на теле России. В этой статье есть и фрагмент интервью со мной, потому я чувствую некоторую ответственность за изложенные в ней выводы.

По-журналистски поверхностный подход отражает не реальную ситуацию в Татарстане, а скорее те устойчивые стереотипы, которые бытуют в массовом сознании нашего общества. «В России относительно татар сложился целый ряд стереотипов. Татары – мусульмане. Татары живут анклавами. Помогают друг другу. Живут богаче. Не то чтобы чужие, но – другие. А с другими лучше не связываться. Отсюда распространенное предубеждение: от татар всего можно

ждать». Полагаю, что последняя фраза отражает довольно устойчивое мнение, бытующее среди части немусульманского населения России по отношению к мусульманской. Мусульмане – они другие. От них всего можно ждать.

Уже много столетий мусульмане и православные России живут вместе. И неужели кроме подозрительного, настороженного отношения друг к другу, нам больше нечего сказать. Хотелось бы прочесть иные строчки, например: «Часть населения нашей страны давно и традиционно исповедует ислам. Ислам является великой мировой культурой, он создал развитую цивилизацию, которая предопределила европейское Возрождение. Исламская цивилизация дала миру видных деятелей в области медицины, химии, географии, поэзии, архитектуры. Она сохранила для Европы древнегреческую философию, труды Аристотеля, Платона. Благодаря исламу Россия принадлежит не только к западной, но и к восточной цивилизации, что придает ей уникальность». Но, увы! от московского журналиста таких слов не услышишь. Не всегда услышишь их и от людей более искушенных.

В дихотомичном, консервативном или просто узком мышлении противопоставление «мы – они, мусульмане» производится не только в отношении России, но и в рамках всего мирового сообщества. «Они, мусульмане» воспринимаются как некое единое целое независимо от того, на каком языке говорят, в какой стране живут, какому режиму

или лидеру подчиняются. Итог этой дихотомии прост: мы – это все немусульмане, они – все мусульмане. В статье Дарьи Асламовой «Исламский интернационал», опубликованной в газете «Комсомольская правда», читаем: «Мы и они. Свои и чужие. Мир Христа и мир Мухаммеда... Исламу удалось сделать то, что не смогли сделать Маркс и Ленин: создать Интернационал – международное братство людей в камуфляже, легко переходящих границы, блестяще владеющих оружием и готовых умереть с именем Аллаха на устах». Логика понятна – чужие в конечном итоге всегда враждебны, враждебные – воинственны, отсюда и оружие и камуфляж.

Можно было бы так подробно не останавливаться на журналистских сенсациях и штампах в научном исследовании, если бы не пример Запада, где журналисты и политики весьма успешно творят мифы об исламе, которые затем прочно входят в научный, исламоведческий обиход. Да и население нашей страны, в силу экономических причин отчужденное от научной печатной продукции, получает информацию об исламе со страниц газет и из телевизионных передач. Последние крайне редко предоставляют профессионалам возможность высказаться, особенно если их точка зрения не совсем совпадает с официальной.

В начале 90-х гг. XX века западная интеллектуальная элита зачитывалась статьей Самуэля Хантингтона «Разлом цивилизаций». Не было ни одной научной конференции по проблемам Ближнего Востока или Северной Африки, где не муссировались бы пророчества Хантингтона. Говорилось о том, что С.Хантингтон осмелился заявить открыто о том, что всем уже было очевидно и понятно – назревает «исламская гроза» в западном благополучии и стабильности. Статья С.Хантингтона стала своеобразным водоразделом между политиками и учеными Запада и Востока, по одну

сторону которого оказались апологеты идеи «исламской угрозы» и вестернизации, а по другую – сторонники «исламского пути развития» и мирного сосуществования двух цивилизаций. Первоначально статья появилась в журнале «Foreign affairs», позже она была дополнена и опубликована в виде книги под названием «Разлом цивилизаций и восстановление мирового порядка».

И книга, и статья произвели буквально фурор благодаря тому, что в них четко было заявлено о том, что грядущий век станет веком конфронтации двух цивилизаций – западной и мусульманской. Причиной этого разлома, по мнению Хантингтона и его сторонников, является исламизм – идеология, направленная на разрушение основ западной цивилизации и установление на его обломках исламского порядка. Мир почти раскололся на две части. Идеологи нового мирового порядка и глобализации получили интеллектуальное оправдание военной политики в странах Ближнего Востока, Центральной Азии и Северной Африки. Сущностью этой политики стала борьба с исламским терроризмом, идеологическая атака на его интеллектуальное обоснование – фундаментализм, ваххабизм. Самым крайним проявлением этой атаки стала идея о том, что радикализм и терроризм, фанатизм и непримиримость имплицитно заложены в самом исламском вероучении. Несмотря на заявления лидеров США и стран Евросоюза о том, что не следует путать ислам с терроризмом, в сознании широких масс ненависть к исламистам постепенно переходила на ислам, а затем и на всех, кто считает себя последователем этой веры.

Идея о грядущей угрозе со стороны фундаментализма, исламского радикализма и исламизма будоражила общественное мнение западных стран, начиная с 1970-х гг., то есть параллельно с процессом, который в западных средствах массовой информации получил

название «исламское возрождение». Успех публикаций С.Хантингтона стал возможен потому, что он впервые совершенно определенно и в печатной форме заявил о том, что эта угроза существует реально, и она приведет к глубокой конфронтации Запада и Ислама. Эта конфронтация неизбежно втянет в себя все человечество, так как мусульманское население составляет существенную часть населения во всех странах мира. Те, кто осуждает террористические акты, независимо от своей этноконфессиональной принадлежности поневоле становятся союзниками Запада, а те, кто осмеливается признать существование объективных причин исламского радикализма и экстремизма, становятся его идейными врагами.

Если не противниками, то интеллектуальными оппонентами С.Хантингтона стали умеренные критики его концепции во главе с одним из ведущих исламоведов США профессором Джоном Эспозито. Ведущей идеей умеренного крыла политологов-исламоведов стала концепция исламского ревивайлизма (от англ. слова «revival», что означает «оживление»). В многочисленных публикациях Д.Эспозито, в частности, в его книге «Исламская угроза», проводилась мысль о том, что ревивайлизм и исламизм не являются движением маргинальных слоев населения мусульманских стран, существующих где-то на периферии общественной жизни. Напротив, исламизм – это мейнстрим всего мусульманского мира. По мнению сторонников ревивайлизма, исламизм не является угрозой Западу вообще, а лишь тем его нормам и ценностям, которые уже перестают быть ценностями для самих представителей западной цивилизации. Ислам – это вызов идеологии потребления, секуляризации, индивидуализму, меркантилизму, сексуальной свободе и бездуховности современного постиндустриального общества. Итак, Д. Эспозито и его едино-

мысленники полагают, что исламская атака на недостатки современного западного «модус вивенди» справедлива, заслуженна. Выходом из этого противостояния между Западом и Исламом является поиск взаимопонимания, общего духовного субстрата, общечеловеческих ценностей, какими, например, является проблема выживания человечества, объединение усилий перед лицом глобальных катастроф.

Среди западных политологов существует еще одна точка зрения на данную проблему, которая была выражена в работе Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек». В противовес и Хантингтону, и Эспозито, Ф.Фукуяма считает, что абсолютное торжество Западного либерализма, экономики, культуры, образа жизни символизирует конец истории, конец всеобщему противостоянию, ни ислам, и никакая другая идеология уже не представляют никакой опасности и угрозы перед лицом тотального доминирования успешной западной модели развития. Она, эта модель развития, доказала свою состоятельность на деле – экономический рост, подъем уровня жизни, высокие доходы, развитие техники и технологии, информатизация и проч.

Публикации С.Хантингтона, Д.Эспозито и Ф.Фукуямы вызвали ажиотаж не только в кругах западных политиков и интеллектуалов. Они произвели сенсацию и среди современных исламских политиков и ученых самой разной направленности. Одни восприняли общий тон этих публикаций как новое наступление идеологов вестернизации и неоколониализма, как угрозу исламскому миру, которая уже стала воплощаться в действиях защитников нового мирового порядка в Афганистане, Ираке, Палестине. Слова из работ Хантингтона и Фукуямы стали восприниматься как жупел антиисламизма и призыв к новому витку идеологической конфронтации.

Справедливости ради надо сказать, что объективное, взвешенное отношение к исламу все-таки было свойственно самой лучшей, широко мыслящей части западноевропейской интеллигенции. Люди, весьма далекие от мусульманской религии, признавали за ней оригинальное учение, силу, способную оказать прогрессивное влияние на мировые процессы, восхищались мощью личности Пророка. В доказательство нам хотелось бы привести слова Гете, Б. Шоу, востоковедов Р.Белла, У.Монтгомери, не говоря уже о тех, кто не только преклонялся перед исламом, но и принял его, как капитан Кусто, Мухаммед Али, М.Родинсон и многие другие.

Великий Гете еще в двадцатичетырехлетнем возрасте написал драму «Магомет». В то время он искал для себя и литературного героя и образец для подражания, человека, наделенного волей, умом, мощью. Вот как он писал об исламе: «Как глупо так и эдак воспевать Свои суждения об этом и о том! Ведь если ислам покорность означает Богу, Мы все живем, и все умрем в исламе». «Вера в единого Бога – всегда поднимает дух, поскольку служит критериям внутреннего человека». «Уже само по себе перебирание магометанских четок для восхваления имен Аллаха, отражающих девяносто девять Его качеств, – это великолепное хвалебное молебствование. Одновременное поминание присущих Творцу утверждающих и отрицающих качеств говорит о непостижимости Его Существа; молящийся удивлен и очарован, покоряется Его воли и успокаивается...».

В конце XVII – начале XVIII века в Европе появилось многотомное издание «Восточной библиотеки», которое познакомило широкие круги Европы с восточной экзотикой и яркими образами. В начале XVIII века в Европе появляются первые переводы с арабского и персидского языков. Ошеломляющий успех имел первый французский перевод

«Тысячи и одной ночи», выполненный А. Галланом, за которым последовали переводы на другие европейские языки и множество подражаний. В начале XIX века в Вене выходят первые переводы арабских стихов. Гете знакомится с арабскими и мавританскими рукописями, мечтает изучать арабский язык, создает бессмертный «Восточный диван, написанный западным поэтом».

В противовес антиисламским стереотипам, унижающим достоинство женщины, бытовавшим в еврохристианской традиции, Гете создал в поэзии одухотворенный женский образ. Под черным хиджабом мусульманки ему виделся пленительный женский облик, полный поэзии, страсти, огня. В поэзии Гете, вдохновленного Хафизом и другими поэтами, мы читаем:

Угадав за покрывалом,
рот, алеющий кораллом,
и, склоняя к неге страстной,
сердце девушки прекрасной...

(«Западно-восточный диван»).

Романтики и поэты Нового времени создавали образ мусульманской женщины, прекрасной физически и духовно: «Глубокий взор и губы цвета роз, блеск жемчуга в изгибах черных кос» (Байрон). Глубина взора, выразительность взгляда означала ум, наблюдательность, глубокую натуру: «Были вглубь глядящие зрачки, были всласть целующие губы» (Гете, «Западно-восточный диван»). Во всех произведениях фигурирует внутренняя свобода, смелость, преданность женщины (Гюльнар и Лейла у Байрона, Зулейка у Гете).

Один из самых интеллектуальных писателей своего времени, парадоксальный Бернард Шоу в своей книге «Истинный Ислам» писал: «Если у какой-то из религий и был бы шанс управлять Англией, да собственно и всей Европой в последующие 100 лет, – так это мог бы быть только Ислам». «Я всегда с большим уважением относился к религии

Мухаммада из-за ее высокой жизненности. Это единственная религия, которая, на мой взгляд, обладает способностью адаптации к изменяющимся условиям жизни, что [без сомнения] может понравиться людям любого возраста. Я изучил его жизнь, – по моему, он удивительный человек – уж никак не антихрист, напротив, – его можно называть спасителем человечества». «Думаю, что если бы человеку, подобному ему, были даны права диктатора в современном мире, он смог бы решить его проблемы так, что эти решения принесли столь желаемый мир и счастье: я предсказывал о вере Мухаммада, что она будет принята завтрашней Европой, и она уже начинает приниматься Европой современной».

Крупнейший британский востоковед Ричард Белл писал: «Европа стоит на пороге большого упадка. За блестящим, великолепным фасадом таятся стрессы, безумие, самоубийства, душевные болезни, разврат, употребление наркотиков и алкоголя, разбой, изнасилования, невообразимый рост венерических заболеваний... Перед Европой стоит единственный выбор. Единственный путь к спасению. Этот путь – Ислам. Другого выбора нет». Все эти многочисленные и красноречивые цитаты гениев и классиков свидетельствуют о том, что интеллектуальная элита всегда рассматривала ислам как один из духовных источников, питающих всю мировую культуру. Однако конец XX и начало XXI века ознаменовались резким расколом во взаимоотношениях Запада и мира ислама.

В отношении ислама один из классиков британского востоковедения У. Монтгомери Уотт писал о том, что западный мир в долгу перед миром ислама, чей «искаженный образ до сих пор продолжает витать над европейской общественной мыслью». Вероятно, продолжает автор, недостатки, приписываемые врагам, есть всегда лишь наши собственные недостатки, а «искаженный

образ ислама следует рассматривать как проекцию теневых сторон европейца»². Сказано и сказано справедливо было еще в 70-х гг. XX века, но с тех пор образ ислама вряд ли стал возвышеннее и благороднее в глазах Запада. Тому свидетельство 12 карикатур, напечатанных в феврале 2006 года в датской газете и вызвавших переполюх во всем мире.

Проблема предвзятого, одиозного восприятия Западом мусульманского Востока раскрывается в ряде работ известного американского ученого Э.Саида. В 2006 году в России вышла в свет монография Э.Саида «Ориентализм», написанная в 1978 году. Сам факт ее издания в России говорит о том, что за прошедшие годы она не потеряла ни своей актуальности, ни остроты. Публикация этой книги в США стала международным событием не только для востоковедов всего мира, но и для всех, кто занимается ближневосточной политикой и в теории, и на практике. Критический, даже саркастический, анализ западного ориентализма содержится и в другой его работе «Оболочка ислама». Проблемам политического, идеологического и методологического противостояния Запада и Востока посвящена его книга «Перо и меч».

Под ориентализмом Э. Саид понимает не только востоковедение, но и «стиль мышления» западных интеллектуалов, основанный на «онтологическом и эпистемологическом различии» Востока и Запада. Вслед за Кипплингом Э.Саид повторяет: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток», и также как он полагает, что они всегда будут разобщены. Кроме того, для ученого ориентализм это теоретическое обоснование доминирования Запада над Востоком. Кстати сказать, после выхода в свет книг Э.Саида многие западные востоковеды стали публично отречься от самого понятия «ориентализм». Так, например, в статье для «Энциклопедии ислама» швейцарский ученый Жак Ваарденбург предлагает

заменить дискредитированный термин «ориенталист» на понятие «мусташирикун», что означает «человек, посвятивший себя Востоку».

В работах Э.Саида история взаимоотношений между двумя цивилизациями сводится к сочинению Западом «своего» Востока, восточных людей, культуры, для того, чтобы оправдать политику колонизации. Европейские представления о Востоке, восточном деспотизме, экзотике, традициях и нормах есть результат мифологизации, порожденной политическими интересами Европы и Америки на Востоке и способствующий доминированию Запада над Востоком. Говоря словами Э.Саида, ориентализм стал «фильтром, через который Восток проникал в западное сознание». В результате этой мифотворческой практики Запад имеет дело не с реальным, а с «ориентализованным» Востоком.

Особенно много внимания в своих работах Э.Саид уделяет западным стереотипам, сложившимся в отношении ислама. Родившись в семье крупного палестинского предпринимателя, принадлежащего к христианству, Э.Саид получил образование в Египте и США, сделал блестящую академическую карьеру, защитил докторскую диссертацию в Гарварде, преподавал в Колумбийском университете в Нью-Йорке. В горячей полемике, развернувшейся вокруг его книг, звучали мнения, что он не должен был представлять интересы палестинцев, так как слишком долго не жил на Ближнем Востоке. Другие, напротив, считали арабское происхождение Э.Саида фактором, препятствующим объективности и научности, обвиняли его в тенденциозности. Кстати говоря, мне довелось встретиться с Э.Саидом на одном из семинаров. Поскольку моя первая монография, вышедшая в 1992 году, была посвящена критическому анализу западного исламоведения, естественно, в ней много внимания уделялось анализу работ Э.Саида. И с его легкой руки

меня на той конференции называли «вторым Эдвардом Саидом».

Но мало и непродуктивно обвинять Запад в неглубоком или неправильном понимании и ложной интерпретации ислама. В конечном итоге, это не его дело. У Запада есть свои собственные духовные традиции, в том числе и демократические, позволяющие любому человеку исповедовать ту систему идей, которая ему на данный момент больше нравится. На сегодняшний день по своим статистическим показателям – количеству мусульман и мечетей Западная Европа вполне могла бы заслужить присуждения ей почетного названия конвнвенция, означающего феномен мирного сосуществования различных религий, существовавший в Испании времен арабского Халифата.

Правда, сегодня это весьма хрупкая гармония, которая легко может нарушиться от неосторожного слова, резкого высказывания, непродуманных заявлений. В связи с количественным ростом мусульманского населения в странах Запада и усилением их влияния на политику, межконфессиональные отношения в конце XX века в средствах массовой информации был запущен новый, ставший весьма популярным термин, «Евроислам». Речь идет не о каком-либо новом направлении или движении в рамках ислама, а лишь о различных европейских и американских исламских диаспорах, которые восходят к самым разным странам и народам. Термин «Евроислам» сегодня применяется некоторыми политиками и в отношении мусульманского населения России. Причем, в данном случае имеется в виду не столько локальная характеристика феномена, сколько содержательная. Евроислам в российском варианте понимается как модернизированный, «мягкий» ислам в отличии от жесткого, фундаменталистского варианта. Главным возражением против употребления термина «евроислам» во всех его смыслах является

тот факт, что сами мусульмане отказываются от него. Термин «евроислам» является столь же ненаучным и неадекватным, как и термин «ваххабизм» по отношению к радикалистам и фундаменталистам.

Однако появление европейских диаспор вызвало к жизни ряд серьезных проблем социально-экономического и теологического характера. В частности, среди мусульманских богословов стал дискутироваться вопрос о примате шариата над светскими законами европейских государств, в которых проживают мусульмане; стала обсуждаться проблема хиджаба, который запрещен рядом официальных актов в стенах учебных заведений и государственных организаций на Западе и в Турции; всерьез встала проблема адаптации мусульман к жизни в новых, европейских условиях, в которых неизбежно происходит утрата исламской идентичности.

Проблема сосуществования различных религий в рамках одной государственной системы, страны, вопрос о религиозной терпимости – толерантности – волновал мусульманскую умму с самого начала ее возникновения. Ислам, как мы знаем, формировался на фоне существования развитых мировых религий и политеистических верований и должен был выработать принципы взаимоотношения с ними. Так, эта проблема существовала для иудеев и христиан в условиях мусульманских империй в качестве религиозного меньшинства (например, арабского и Кордовского Халифатов, Османской империи). Поскольку ислам возник на фоне мощных мировых религий, в нем изначально была предусмотрена система взаимоотношений с людьми других вероисповеданий – «ахль аль-зимми». Статус «зимми», что означает «находящийся под защитой» означал законность, покровительство, набор определенных прав, свобод и обязанностей, в частности налогов для немусульман. Насколько полно соблюдал-

ся статус и права иноверцев зависело уже не от исламского вероучения, а от конкретных политических режимов и обстановки.

Самые крупные исламоведы Запада единодушны во мнении, что ислам на ранних этапах своего существования демонстрировал уникальную модель построения взаимоотношений с различными конфессиями и культурами. Так, британская исследовательница Карен Армстронг пишет, что во время первых военных походов мусульман, борьба велась с конкретным противником, а не с его религией или культурой. Будь то аравийские, христианские или иудейские племена – именно они были конкретные военные противники, а не их вероисповедания. Как мусульманские, так и западные и российские историки описывают, что во времена военных походов первых халифов Абу Бакра, Умара ибн Хаттаба не было практики разрушения церквей, молитвенных зданий, преследования служителей культа, монахов. Перед своей первой военной экспедицией в Сирию Абу Бакр давал наставление своим воинам «не трогать монахов и оставить их жизнь тому, чему они ее посвятили».

Профессор Джорджтаунского университета Джон Эспозито указывает на то, что во времена господства арабов все народы могли свободно исповедовать свою религию и сохранили верховенство своих законов в таких областях, как семейно-брачные отношения, вопросы наследования. Налог – джизья – который они платили, давал им право на защиту от внешней экспансии и освобождал их от воинской повинности.

Многие христианские церкви и секты, такие, как копты, несториане, монофизиты, якобиты в эпоху средневековья жестоко преследовались ортодоксальной христианской церковью. Но под арабским владычеством они могли свободно существовать и развиваться. История свидетельствует о том, что эта

уникальная атмосфера толерантности способствовала небывалому расцвету наук, культуры, высокому уровню массового сознания. Ярким примером тому являлась арабская Испания, Андалузия, где все три мировые религиозные культуры мирно сосуществовали и обогащали друг друга.

Ситуация принципиально меняется после того, как в 1492 году Гранада была завоевана испанскими войсками короля Фердинанда и королевы Изабеллы. Начались преследования инаковерующих, мусульмане и иудеи стали подвергаться жестокому гонениям. Началось изгнание евреев из Испании. И тогда Оттоманский султан Баязид предоставил евреям убежище. Турецкий флот под командованием Кемалея Реиса вывез евреев на земли Оттоманской империи, и им были предоставлены земли в районах Эдирне и Фессалоники. Свыше 25 000 евреев, проживающих в современной Турции, — это потомки беженцев из Испании.

Однако во многом благодаря универсализму и тотальности ислама, на которые мы часто обращаем внимание, в нем не разработана концепция существования ислама и мусульман в условиях доминирования другой религии или идеологии. В исламе подробно разработана концепция «зимми» и терпимого отношения к иным верам, в особенности, «людям Книги», но мало говорится о ситуации, когда мусульмане оказываются на правах религиозного меньшинства.

Неразработанность данной концепции в теории приводит к тому, что мусульмане не могут решить в своей житейской практике множества вопросов. Например, каким образом осуществлять обязательное пятничное богослужение, если человек работает в светском учреждении? Как работающему человеку соблюдать пост саум (ураза)? Как обеспечить себя ритуально чистой пищей (халяль), если мусульманин находится в больнице? В санатории? В командировке? Каковы требования к мусульман-

ской одежде женщины, если она проживает в светском государстве, где в официальных учреждениях запрещена религиозная пропаганда? Мы видим, что конфликты с участием мусульманок происходят по всему миру: и на Западе и на Востоке. Вектор исламизации близкой нам Турции легко определить по тому, как ее очередное правительство относится к хиджабу.

В сентябре 2007 года Премьер-министр Турции и лидер происламской правящей Партии справедливости и развития Реджеп Тайип Эрдоган потребовал отменить действующий в стране запрет на ношение хиджабов. Запрет зафиксирован в турецкой Конституции, написанной в 1980 году после секуляристского военного переворота. В настоящее время собранная премьером группа юристов и улемов работает над проектом нового основного закона, который позволил бы турецким мусульманам свободно соблюдать каноны своей религии. В ответ на вопрос «Будет ли из нового проекта конституции исключен запрет на хиджабы?» Эрдоган ответил: «Мы об этом говорим давно и долго. Это вопрос личной свободы человека».

Стремление Эрдогана поддерживают президент страны Абдулла Гюль. Вскоре после выступления в должность он сделал соответствующее заявление, в котором отметил, что «для женщины, которая носит хиджаб, лучше учиться в университете, чем быть изолированной от общества». Для Турции, которая ставит своей целью занять достойное место в европейском сообществе, вопрос о разрешении хиджаба, который является эпифеноменом религиозной политики в отношении мусульман, далеко не праздный.

Взаимоотношения двух цивилизаций — западной и исламской — происходит в самых разных формах: от полного взаимного неприятия до попыток установить приемлемые отношения. На этом фоне особенно отраднo видеть стрем-

ление представителей двух культур признать и продемонстрировать всеобщую взаимосвязь и взаимовлияния, которые обогащают различные цивилизации. Так, например, в сентябре 2007 года в Катаре проходила выставка, посвященная роли мусульман в истории США. В столице Катара, Дохе, была развернута экспозиция, посвященная роли ислама и мусульман в истории Соединенных Штатов Америки. Инициатором мероприятия выступил известный американский историк и писатель Амир Мухаммад.

Как сообщил IslamNews со ссылкой на ИНА, выставка «Забутые корни: мусульмане в зарождающейся Америке», организованная при содействии посольства США в Дохе и местного культурного центра «Аль-Джасра», проливает свет на ряд событий в истории Соединенных Штатов. Несмотря на то, что американские мусульмане всегда активно участвовали в общественной, политической и религиозной жизни США, до

сих пор ни в школьных учебниках, ни в энциклопедиях не были упомянуты представители исламской общины, сыгравшие огромную роль в образовании и развитии державы.

На выставке экспонированы уникальные фотографии видных американских деятелей-мусульман, а также представлены редкие документы и печатные издания, на страницах которых запечатлены достижения коренных мусульман Америки. Часть экспозиции посвящена жизни представителей различных этнических диаспор, приехавших в страну из-за рубежа и со временем влившихся в американское общество. Культура мусульманских народов, по мнению ученого, повлияла на становление единой общеамериканской культуры ничуть не меньше, чем культура европейцев, прибывших на континент гораздо позже первых путешественников и исследователей из стран исламского мира.

Примечания

¹ Portal-credo.ru, 30.08.2007.

² Монтгомери Уотт У. Влияние ислама на средневековую Европу. – М., 1976, – с. 108–110.

Summary

The author of the article has analyzed the attitude of the Occidental society to Islam.